

А.А. ДЕМЧЕНКО
(Саратов)

А.А. ФЕТ О РОМАНЕ
Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО
«ЧТО ДЕЛАТЬ?»:
ОПЫТ КОММЕНТАРИЯ К
КОММЕНТАРИЯМ

Рассматривается статья А.А. Фета о романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?», литературоведческое внимание к которой порождают разного рода истолкования критических суждений поэта. Последние, в свою очередь, нуждаются в дополнительных разъяснениях, провоцируя возникновение исследовательского жанра «комментарий к комментариям».

Ключевые слова: роман «Что делать?», эстетика, поэзия, комментарий, В.П. Боткин, Вл. С. Соловьев, В. Консидеран, Ш. Фурье.

Статья А.А. Фета почти не упоминалась в советское время ввиду ее чрезвычайной резкости по отношению к характеристике Чернышевского как романиста и системы его воззрений в целом. В постсоветские годы интерес к ней возник лишь дважды: в связи с новейшим изданием сочинений А.А. Фета [19, т. 3, с. 195–259; 21, с. 21–28] и выпуском книги «Н.Г. Чернышевский: pro et contra» [23, с. 486–554].

Статья была написана Фетом сразу по окончании печатания романа в «Современнике» (1863) с привлечением к работе (в заключительной ее части) В.П. Боткина [17, с. 87, 429]. С каждой новой попыткой ее напечатания (последняя относится к 1866 г.) автор перedelывал начало, однако при его жизни статья так и не увидела свет [14, с. 458–464] и была впервые опубликована только в 1936 г. как образец «откровенной защиты эгоистических интересов господствующих классов», что формулировалось в соответствующей времени идеологической стилистике [7, с. 484].

Статья представляет собой детальный разбор всего художественного состава романа, и, как это нередко случается в литературно-критическом отзыве, ряд наблюдений и замечаний носит характер своеобразного коммен-

тария к произведению Чернышевского. Нет необходимости рассматривать их все, тем более что отмеченные критиком художественные просчеты романиста в большинстве случаев не вызывают сомнений. Представляется полезным вернуться к некоторым из высказываний и с помощью подобного «комментария к комментариям» точнее определить позиции автора статьи.

Статья содержит развернутое объяснение ее основной цели, начинающееся следующим утверждением: *Мы хотели высказать перед читателем причины, побудившие нас выступить с разбором романа «Что делать?» теперь, когда сила впечатления, произведенного им на известную часть публики, уже значительно ослаблена временем* [19, с. 197].

Ослабление временем объясняется двумя причинами. Во-первых, теперь, т.е. к 1866 г., нет прежней цензуры, при которой известный круг писателей, в том числе и автор «Что делать?», могли говорить только, по выражению Фета, *шифрованной азбукой*, являя *виртуозность на языке глухонемых и умеющих*, т.е., скажем мы, комментируя слова критика, говорить так называемым эзоповым языком – речью, основанной на иносказаниях, намеках и других приемах с целью обойти цензуру. *В настоящее время цензор сошел в ряды простых смертных* [Там же] – нужно полагать, подразумевался узаконенный 6 апреля 1865 г. в виде «Временных правил» новый цензурный устав, по которому периодические издания освобождались от предварительной цензуры по особому разрешению министра внутренних дел и с представлением денежного залога. Именно поэтому, читаем далее, *перед нами полная возможность говорить и о романе, и о целом направлении, которого он является ярким и единственно конкретным представителем* [Там же]. Во-вторых, по Фету, у романа теперь нет серьезного читателя, кроме *молодых, неопытных или несамостоятельных людей*, да и то *в местах темных, отдаленных от солнечного света, но мало ли у нас темных захолустьев?*, и потому ныне это борьба *с призраками и ветряными мельницами, все это призраки и марево* [Там же]. Комментарий обязывает напомнить, что цензурные препятствия

действительно были несколько ослаблены, но лишь для выступлений, противостоящих идеям, подобных высказанным в романе «Что делать?», и не понимать этого Фет не мог. Что касается читателя, то он не мог не знать о продолжавшихся крупных печатных выступлениях о романе как со стороны его единомышленников, например, Д.И. Писарева со статьей «Новый тип» (Русское слово. 1865. Кн. 10) [9, с. 1–47], так и полемических критиков – например, Н.Н. Страхова, со статьей «Счастливые люди» (Библиотека для чтения. 1865. № 4) [15, с. 309–342] и других авторов [13, с. 706–710; 16, с. 134–144]. Заметным было также появление труда архимандрита Феодора* «О современных духовных потребностях мысли и жизни, особенно русской» (Сборник разных статей А. Бухарева. М., 1865. С. 452–498) [1, с. 115–148; 2]. Свою главную задачу автор видел не в обмирщении церкви и примирении православия с современностью, а в том, чтобы, как пояснял религиозный философ В.В. Зеньковский, формулируя главную заслугу Бухарева, «именно “верующей мыслью” взглянуть на современную культуру, – и тогда откроется “скрытая теплота” Христова дела даже там, где как будто не осталось и следа христианства» [6, с. 122]. С этой точки зрения и подходит Бухарев к осмыслению идейно-художественной системы романа Чернышевского, находя в произведении немало ценных общечеловеческих, близких к христианству мыслей. Однако Фет не замечает появившихся в печати разборов «Что делать?». Из круга современной беллетристики, так или иначе сопоставимой с произведением Чернышевского, он выделяет только одно направление – антинигилистическое. Именно так приходится комментировать его сравнение системы идей «Что делать?» с *маревом* [19, с. 197], усматривая в употребленном слове аллюзию на антинигилистический роман В.Н. Ключникова «Марев» (1864), осуждающий увлечение молодого поколения «ложными» идеями. Заметим, что комментаторы прошли мимо этой возможности получить немаловажную для характеристики позиции Фета подробность [Там же, с. 464]. Детальный анализ романа «Марев» содержался в статье Д.И. Писарева «Сердитое бессилие» [10, с. 216–250].

* Александр Матвеевич Бухарев (архимандрит Феодор) (1824–1871) – профессор Московской (1846–1854) и Казанской (1854–1858) Духовных академий. Автор ряда статей по проблемам православия в его отношениях к современности.

В этом узле комментирования мнения об упадке влияния романа Чернышевского заметное, на первый взгляд, место заняла фраза *сошла со сцены*, присутствующая в следующем контексте: *В настоящее время цензор сошел в ряды простых смертных – и виртуозность на языке глухонемых и умеющих, уступая место общепонятному слову, – сошла со сцены* [19, с. 197]. Внимательному читателю, а тем более исследователю романа, не может не броситься в глаза соотнесенность фразы с рассуждениями Чернышевского по поводу «согнанных со сцены» – рассуждениями, имеющими принципиальное значение. В романе, как и в ранее публикуемых в «Современнике» статьях, высказывались мысли о действующих в истории закономерностях, уяснение которых во многом объясняло понимание соотношения революции и реакции в жизни той или иной нации. Чернышевский не отрицал возникших порою в истории народов революционных моментов как историческую неизбежность, и в его концепции истории всегда превалировала мысль о смене революционных периодов реакционными и наоборот. Но роман не статья, и в изображенных автором типах героев глубоко спрятаны дорогие автору убеждения, насколько их удавалось обозначить в подцензурном произведении [3, с. 171–173]. Не случайно в «Что делать?» он предрекает «новым» и «особенным» людям быть «согнанными со сцены»: «Под шумом шиканья, под громом проклятий они сойдут со сцены гордые и скромные, суровые и добрые, как были. И не останется их на сцене? – Нет. Как же будет без них? – Плохо. Но после них будет все-таки лучше, чем до них. И пройдут года <...> пришло время возродиться этому типу <...> и опять та же история в новом виде» [22, т. XI, с. 145]. Словами о цензуре, которая «сошла со сцены», Фет иронически обыгрывает рассуждения автора романа, намеренно снижая их идейный смысл высказыванием *цензор сошел в ряды простых смертных*.

Особый критический пафос критика связан с находимыми им в романе сближениями идей произведения с учением французского социалиста Ш. Фурье, автора описания устройства утопического фаланстера. Фет, в частности, пишет: *Замечательно, что в романе «Что делать?» ничего не говорится о детях. О рождении сына у героини Верочки сказано вскользь, да и то только тогда, когда ребенок не мог уже помешать ее двумужеству. Правда: «дети не предполагаются»* [19,

с. 199]. Последняя фраза *дети не предполагаются* контаминирует с мемуарами Фета: однажды в присутствии И.С. Тургенева пришедший к нему М.Е. Салтыков-Щедрин стал расхваливать «успех недавно возникших фаланстеров, где мужчины и женщины в свободном сожителстве приносят результаты трудов своих в общий склад, причем каждый и каждая имеет право, входя в комнату другого, читать его книги, письма и брать его вещи и деньги».

– Ну, а какая же участь ожидает детей? – спросил Тургенев своим кисло-сладким фальцетом.

– Детей не полагается, – отвечал Щедрин.

– Тем не менее они будут, – уныло возразил Тургенев» [17, с. 367–368]. О том, что Фет мог не так понять слова Салтыкова-Щедрина, имевшего в виду общежитие, организованное только для взрослых, писал биограф сатирика С.А. Макашин [8, с. 168]. На вероятность известной предвзятости в передаче смысла слов М.Е. Салтыкова-Щедрина указывалось еще раньше в журнале «Русская мысль» [11, с. 149]. Между тем у Фурье, против системы взглядов которого в конечном счете направлены стрелы статьи Фета, относительно положения детей в будущем социальном устройстве сказано, что именно дети «являются главной пружиной социетарной гармонии и трудового притяжения» [20, с. 336].

В то же время в «Что делать?» сказано о работницах: «...У многих были маленькие братья или сестры <...> Для маленьких мальчиков была своя комната, две другие для девочек» [22, т. XI, с. 131]. В другом месте романа, где описывалась загородная прогулка, о работницах говорилось, что «только шесть не участвовали в прогулке – три пожилые женщины, с десятков детей, матери, сестры и братья швей...» [Там же, с. 138]. Таким образом, налицо утрирование Фетом детской темы в «Что делать?» и трудах Фурье.

Подобный вывод напрашивается и при чтении комментариев к фрагменту, в котором передан разговор Марьи Алексеевны и Сторешникова о запрещенных в России иностранных книгах, содержание которых связано с распространением социалистических и атеистических идей. Названия книг автором романа по цензурным соображениям искусно спрятаны. Это место приведено Фетом: «Вот Марья Алексеевна взяла книги, принесла к Михаилу Ивановичу (Сторешникову). – Посмотрите-ко, Михаил Иванович, французскую-то я сама почти разобрала: “Гостиня” значит самоучи-

тель светского обращения, а немецкую-то не пойму. Нет, Марья Алексеевна, это не “Гостиня”, это “Destinée” – судьба».

– Какая ж это судьба? роман что ли так называется, али оракул, толкование снов?

– А вот сейчас увидим, Марья Алексеевна, из самой книги. Михаил Иванович перевернул несколько листов. – Тут все о сериях больше говорится, Марья Алексеевна – ученая книга.

– О сериях? Это хорошо; значит, как денежные обороты вести?

– Да, все об этом, Марья Алексеевна» [22, т. XI, с. 63].

Комментарий Фета: *Как это все тонко, а главное правдоподобно! Предположим, что Сторешников не читал книги Виктора Консидерана и не имел понятия о будущих рабочих сериях и гармонических отношениях* (выделено А.А. Фетом) *между собою, о которых хлопочет автор. Но какими же судьбами он не перевел Марье Алексеевне заглавия книги, которую держал в руках. «Destinée sociale, exposition élémentaire complète de la théorie sociétaire», т. е. «Социальное предопределение (а не судьба), полное основное изложение социалистической теории». Какими же судьбами после этого Сторешников мог принять эту книгу за биржевое руководство?* [19, с. 209–210].

Спрашивается, как мог Чернышевский (через Сторешникова) открыть читателям название не жалуемой в то время в России книги В. Консидерана, ученика Фурье? Недоумение возрастает, когда Фет дает свой перевод названия этой книги – «Destinée sociale, exposition élémentaire complète de la théorie sociétaire», т. е. «Социальное предопределение (а не судьба), полное основное изложение социалистической теории», да еще упрекнул за отсутствие в романе полного его перевода. Книга вышла в трех томах в 1834–1844 гг. под названием «Destinée sociale» (общепринятые переводы: «Судьба общества», «Общественное назначение», «Социальная будущность»), и не ясно, из какого источника Фет почерпнул то название, которое он приводит в своей статье. Между тем во всех словарях название одно – «Destinée sociale», в том числе и в авторитетном Ляруссе [25].

Фет цитирует далее: «Ну, а немецкая-то? – продолжает пытливая Марья Алексеевна».

Михаил Иванович медленно прочел: “О религии, сочинение Людвига” – Людвига XIV, Марья Алексеевна, сочинение Людвига XIV; это был, Марья Алексеевна, французский ко-

роль, отец тому королю, на место которого нынешний Наполеон сел» [22, т. XI, с. 63].

«Еще раз допустим, – не останавливает своего комментария критик, – что Сторешников не знал **атеистического** (выделено А.А. Фетом) сочинения Фейербаха, но уверения его, что автор книги есть Людовик XIV – отец Людовика Филиппа – другими словами, уверения нашего автора, что гвардейский офицер Сторешников никогда не слыхивал о революции, Наполеоне первом и взятии Москвы французами – не только клевета на гг. офицеров или простая голословная брань публики, это геркулесовы столбы презрения ко всякому здравомыслию читателя» [19, с. 210]. Как и в случае с раскрытием названия книги В. Консидерана, открытие запрещенного в годы работы Чернышевского над романом имени Фейербаха, автора книг «Сущность христианства» (1841) и «Лекции о сущности религии» (1851), – прием непозволительный. К тому же, по мнению критика, Чернышевский хочет убедить читателя, что «гвардейский офицер Сторешников никогда не слыхивал о революции, Наполеоне первом и взятии Москвы французами», – но это уже прямое недоразумение, т.к. герои у Чернышевского говорят про «нынешнего Наполеона», т. е. про Наполеона III.

Поднимает Фет и горячую для шестидесятых годов тему назначения искусства, комментируя позицию Чернышевского как *конение нигилистов на искусство для искусства*, которому так давно подвергается поэзия в «Современнике» и К^о [19, с. 241]. Под компанией «Современника» понимались, конечно, «Русская мысль» с критическими статьями Д.И. Писарева и сатирическое издание «Искра», объектом пародий которой был в первую очередь Фет [24, с. 30]. Доставалось поэту и в «Свистке» – сатирическом приложении к «Современнику» [12, с. 114, 116, 217, 222; 5].

Не случайно в рассматриваемой статье Фета возникает фраза о том, что автор «Что делать?» *выставил нам идеал распространяемого им учения, выводя его из области бесплодных, перед целым образованным и порядочным светом опозорившихся свистков и ругательств на стезю положения* [19, с. 198]. Одним из ранних у Чернышевского и самым сильным протестом против теории «искусства для искусства» было его выступление в «Очерках гоголевского периода русской литературы» (1856). Продолжая мысли позднего В.Г. Белинского, автор «Очерков...» писал:

«Каким же образом может находить себе защитников так называемая теория “чистого искусства” (искусства небывалого и невозможного), требующая от литературы, чтобы она исключительно заботилась только о форме? Тут все основано на том, что приверженцы так называемого чистого искусства сами не замечают истинного смысла своих желаний или хотят вводить других в заблуждение, говоря о чистом искусстве, которого никто не знает и никто, ни сами они, не желают» [22, т. III, с. 299]. Наверняка Фету было памятно, например, упоминание о нем в статье Н.А. Добролюбова, посвященной повести И.С. Тургенева «Накануне» (1860): «Без живого отношения к современности всякий, даже самый симпатичный и талантливый повествователь должен подвергнуться участи г. Фета, которого и хвалили когда-то, но из которого теперь только десяток любителей помнит десяток лучших стихотворений» [4, с. 182–183].

В контексте рассуждений об «искусстве для искусства» воспринимается скрытый выпад Фета против Чернышевского как автора трактата «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855), переизданного без имени автора в 1865 г.: *Вот что значит ничего не понимать в деле, в котором выдаешь себя за абсолютного знатока!* [19, с. 241].

Комментируемые слова Фета вызывают ассоциацию с написанной религиозным поэтом и философом Вл. Соловьевым статьей «Первый шаг к положительной эстетике» (1894). Из трактата Чернышевского Вл. Соловьев цитирует главное: «...произведение искусства может иметь преимущество перед действительностью разве в двух-трех ничтожных отношениях, и по необходимости остается далеко ниже ее в существенных своих качествах» [22, т. II, с. 69]. В обширной аргументации [Там же, с. 31–69] «много наивного (не нужно забывать, что это – юношеская диссертация), иные спорные вещи голословно утверждаются, а другие, бесспорные, доказываются с педантичною полнотою; но все эти недостатки и излишества не должны закрывать от нас того, что доказываемая мысль *верна*, – до такой степени верна, что читатель, недовольный странною прозой автора, может найти краткое, но точное выражение того же самого воззрения на противоположном полюсе нашей литературы, в следующем стихотворении Фета:

Кому венец: богине ль красоты,
Иль в зеркале ее изображенью?
Поэт смущен, когда дивишься ты
Богатому его воображенью.
Не я, мой друг, а Божий мир богат:
В пылинке он лелеет *жизнь* и множит,
И что один твой выражает взгляд,
Того поэт пересказать не может» [23,
с. 417–418].

Приведенное стихотворение Фета написано в 1865 г. [18, с. 250], и такое совпадение со временем написания поэтом статьи о «Что делать?», которую Вл. Соловьев знать не мог, конечно, было случайным. Однако получается, что Вл. Соловьев, несомненно, знавший об отрицательных отзывах о поэзии Фета в кружке «Современника», аргументацию Фета против автора «Эстетических отношений искусства к действительности» и «Что делать?» побивает, опираясь на самого Фета, выделяя в тексте стихотворения соответствующие места, и в намерении Вл. Соловьева ничего случайного не было.

Статья Фета, как видим по результатам представленного комментария, не лишена полемических издержек. Недостатки романа Чернышевского в художественном отношении, порою точно и убедительно подмеченные критиком, стали для Фета основанием для резкой, но не всегда оправданной этой резкостью оценки всей системы взглядов автора «Что делать?».

Литература

1. Архимандрит Феодор (А.М. Бухарев). М., 1991.
2. Архимандрит Феодор (А.М. Бухарев): pro et contra / изд. подг. Б.Ф. Егоров, Н.В. Серебренников, А.П. Дмитриев. СПб., 1997.
3. Володин А.И., Карякин Ю.Ф., Плимак Е.Г. Чернышевский или Нечаев? О подлинной и мнимой революционности в освободительном движении России 50—60-х годов XIX века. М., 1976.
4. Добролюбов Н.А. Литературная критика : в 2 т. М., 1984. Т. 2.
5. Егоров Б.Ф. Очерки по истории русской литературной критики середины XIX в. Л., 1973.
6. Зеньковский В.В. История русской философии : в 2 т. М., 1991. Т. I, ч. II.
7. Литературное наследство. М., 1936. Т. 25–26.
8. Макашин С.А. Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860 – 1870-е годы. Биография. М., 1984.
9. Писарев Д. Сочинения. СПб., 1867. Ч. IV.
10. Писарев Д.И. Сочинения: в 4 т. М., 1956. Т. 3.

11. Русская мысль. 1890. № 3.
12. «Свисток» / изд. подг. А.А. Жук и А.А. Демченко. М., 1981.
13. Скафтымов А.П. Комментарий к журнальной редакции «Что делать?» // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: в 16 т. М., 1939–1953. Т. XI.
14. Сорочан Ю.В., Строганов М.В. Примечания // Фет А.А. Сочинения и письма. СПб., 2006. Т. 3.
15. Страхов Н.Н. Из истории литературного нигилизма. 1861–1865. СПб., 1890.
16. Тамарченко Г. Е. Романы Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1954.
17. Фет А.А. Мои воспоминания: 1848–1889. Ч. 1–2. М., 1890. Ч. 1.
18. Фет А.А. Стихотворения. Поэмы. Современники о Фете / вступ. ст. А.Е. Тархова; сост. и прим. Г.Д. Аслановой и А.Е. Тархова. М., 1988.
19. Фет А.А. Сочинения и письма : в 20 т. СПб., 2006. Т. 3.
20. Фурье Ш. Избранные сочинения. М., 1955. Т. III.
21. Черемисинова Л.И. А.А. Фет – критик Н.Г. Чернышевского // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1997. Вып. 12.
22. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: в 16 т. М., 1939–1953.
23. Чернышевский Н.Г.: pro et contra / сост., вступ. ст., коммент. А.А. Демченко. СПб., 2008.
24. Ямпольский И. Поэты «Искры» // Поэты «Искры»: в 2 т. Л., 1987. Т. 1.
25. Grand Dictionnaire universel du XIXe Siècle. Par Pierre Larousse. T. I–XVII. Paris, 1866–1888. T. IV. P. 996.

* * *

1. Arhimandrit Feodor (A.M. Buharev). M., 1991.
2. Arhimandrit Feodor (A.M. Buharev): pro et contra / izd. podg. B.F. Egorov, N.V. Serebrennikov, A.P. Dmitriev. SPb., 1997.
3. Volodin A.I., Karyakin Yu.F., Plimak E.G. Chernyishevskiy ili Nechaev? O podlinnoy i mnimoy revolyutsionnosti v osvoboditelnom dvizhenii Rossii 50—60-h godov XIX veka. M., 1976.
4. Dobrolyubov N.A. Literaturmaya kritika : v 2 t. M., 1984. T. 2.
5. Egorov B.F. Ocherki po istorii russkoy literaturnoy kritiki serediny XIX v. L., 1973.
6. Zenkovskiy V.V. Istoriya russkoy filosofii : v 2 t. M., 1991. T. I, ch. II.
7. Literaturnoe nasledstvo. M., 1936. T. 25–26.
8. Makashin S.A. Saltyikov-Schedrin. Seredina puti. 1860 – 1870-e godyi. Biografiya. M., 1984.
9. Pisarev D. Sochineniya. SPb., 1867. Ch. IV.
10. Pisarev D.I. Sochineniya: v 4 t. M., 1956. T. 3.
11. Russkaya myisl. 1890. № 3.

12. «Svistok» / izd. podg. A.A. Zhuk i A.A. Demchenko. M., 1981.

13. Skaftyimov A.P. Kommentariy k zhurnalnoy redaktsii «Chto delat?» // Chernyishevskiy N.G. Polnoe sobranie sochineniy: v 16 t. M., 1939–1953. T. XI.

14. Sorochan Yu.V., Stroganov M.V. Primechaniya // Fet A.A. Sochineniya i pisma. SPb., 2006. T. 3.

15. Strahov N.N. Iz istorii literaturnogo nihilizma. 1861–1865. SPb., 1890.

16. Tamarchenko G. E. Romanyi N. G. Chernyishevskogo. Saratov, 1954.

17. Fet A.A. Moi vospominaniya: 1848–1889. Ch. 1–2. M., 1890. Ch. 1.

18. Fet A.A. Stihotvoreniya. Poemyi. Sovremenniki o Fete / vstup. st. A.E. Tarhova; sost. i prim. G.D. Aslanovoy i A.E. Tarhova. M., 1988.

19. Fet A.A. Sochineniya i pisma : v 20 t. SPb., 2006. T. 3.

20. Fure Sh. Izbrannyye sochineniya. M., 1955. T. III.

21. Cheremisinova L.I. A.A. Fet – kritik N.G. Chernyishevskogo // N.G. Chernyishevskiy. Stati, issledovaniya i materialyi. Saratov, 1997. Vyip. 12.

22. Chernyishevskiy N.G. Polnoe sobranie sochineniy: v 16 t. M., 1939–1953.

23. Chernyishevskiy N.G.: pro et contra / sost., vstup. st., komment. A.A. Demchenko. SPb., 2008.

24. Yampolskiy I. Poetyi «Iskryi» // Poetyi «Iskryi»: v 2 t. L., 1987. T. 1.

25. Grand Dictionnaire universel du XIXe Siecle. Par Pierre Larousse. T. I–XVII. Paris, 1866–1888. T. IV. P. 996.

*A.A. Fet about the novel
by N.G. Chernyshevsky
“What is to Be Done?”: experience
of commentary to commentaries*

There is considered the article by A.A. Fet about the novel by N.G. Chernyshevsky “What is to Be Done?” literary attention to which is the reason for interpretation of the poet’s critical thoughts. These thoughts need additional clarifications and originate the research genre “commentary to commentaries”.

Key words: novel “What is to Be Done?”, aesthetics, poetry, commentary, V.P. Botkin, V.S. Soloviov, V. Considerant, Ch. Fourier.

(Статья поступила в редакцию 21.05.2014)

Д.А. ЗУБАРЬ
(Луганск)

**СМЕРТЬ ОТ ВОПЛОЩЕННОГО
СЛОВА В РАССКАЗЕ Ф. СОЛОГУБА
«ЧЕРВЯК»**

Рассматриваются особенности словесной образности в рассказе Ф. Сологуба «Червяк», где в основе сюжета лежит деструктивный потенциал слова, который можно охарактеризовать как смерть от слова или умерщвление словом. На примере трансформации карнавального слова в рассказе «Червяк» обосновывается тезис об антикарнавальном мировоззрении в карнавальных категориях как идейной доминанте декадентской прозы.

Ключевые слова: декадентская проза, словесная образность, карнавальная традиция, воплощение слова, плоть, мотив умерщвления словом.

В основе сюжета одного из наиболее известных ранних рассказов Ф. Сологуба «Червяк» лежит мотив смерти при воплощении слова, который интегрирует две составные части: мотив умирания тела и мотив воплощения слова. Обе эти составляющие являются, с нашей точки зрения, лейтмотивами прозы Сологуба. В их рамках синтезируется и с наибольшей полнотой реализуется карнавальная образность. В данном аспекте, насколько нам известно, рассказ «Червяк» еще не рассматривался. Учитывая признанную в литературоведении метатекстуальность творчества Сологуба, мы планируем использовать данные, полученные в результате исследования малой прозы писателя, для обоснования жанрового своеобразия его романов.

Предлагаемый нами анализ рассказа «Червяк» основывается на двух концептуальных положениях. Во-первых, вслед за А.Н. Долженко мы относим романы Сологуба «Мелкий бес» и «Тяжелые сны» к декадентскому роману как исторической жанровой разновидности наряду с романами Ж. К. Гюисманса, Ж. Роденбаха, О. Уайльда, С. Пшибышевского и М. Арцыбашева [3; 4], а также утверждаем, что во всех прозаических произведениях Сологуба в той или иной степени выражено декадентское мировоззрение. Во-вторых, мы полагаем, что в декадентском романе как жанровой разновидности своеобразно трансформирована карнавальная традиция (в том значении, ко-